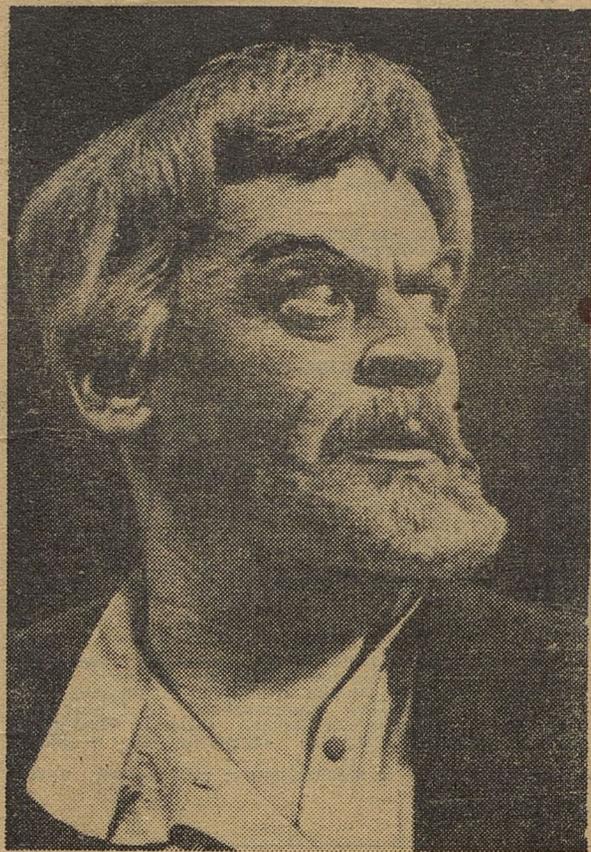

ЕГОР БУЛЫЧОВ МОГУЧЕГО ЛИВАНОВА

Вл. ПИМЕНОВ

гражданской своей позиции, тогда и старые роли наполняются новым, живым содержанием. «Егора Булычова» задумал, выносил в душе, увидел заново, сыграл и сам поставил на мхатовской сцене Борис Ливанов. И это не просто еще один спектакль в МХАТе, даже не просто еще один хороший спектакль. «Егор Булычов» в МХАТе сегодня — это пример огромных сил советского актера, который, осознав свою историческую гражданскую миссию, может молодо и прекрасно воплощать свои творческие мечты, увлекая своих товарищей, покоря зрителей.

...Итак, Егор Булычов. Что же своего, нового, самобытного в этой ливановской роли? В первую очередь — народность Булычова, его связь с народом и трагическое с ним расхождение из-за денег, из-за жажды наживы, калечащей душу и увядящей человека с его пути, с его улицы. Булычов — Ливанов — это титаническая фигура, потому сломленная, потому обреченная, что разорваны органические связи ее с народной своей первоосновой. В ливановском Булычове — и в могучей его поступи, и в спокойной его повадке, и в красочном его юморе, и в веселом его озорстве, и в чувстве собственного достоинства, и в уважении к человеческому труду, и в ненависти к религиозному дурману — во всем этом живут неистребимые народные силы, народное понимание жизни. Не поверил Булычов когда-то в эту свою закваску, на обман, лихоимство, стяжательство растратил легендарную, народом дарованную свою силу. Продал он социальное свое здоровье, трудовое свое первородство, продал, нажил за это богатство — и умер, потому что выгорела, не вытерпела грехов душа. И не какие-то там божеские, религиозные это грехи — таких не знает, не уважает Егор Булычов у Ливанова — грехи его земные, перед народом его грехи, и вот их-то бремени он не выдерживает.

Обычно смертельную болезнь Булычова трактовали как смертельную болезнь класса буржуазии, как уход с исторической арены господствующих эксплуататорских классов. Но нечто свое Ливанов добавляет и к этому классическому истолкованию. Его Булычов гибнет не только из-за грехов купечества, но из-за разрыва с народом. Булычову нет пути, потому что нет пути, покоя, душевного счастья всем, кто изменил своей социальной улице, всем, кто оставил единственно здоровую, единственно жизнеспособную среду, среду народную, и вот теперь начинает это понимать особенно ясно ливановский Булычов.

Почему же именно теперь? Ведь и всегда хищником был отец Павлин, хангой — Меланья, политическим провокатором — Достигаев, жадной дурой — жена Ксения. Что же именно открылось сейчас Булычову — Ливанову? Настроение улицы, настроение народных масс, истинное античеловеческое лицо империалистической войны, гниль самодержавия, позорная ясность беспомощности правящих кругов. Не только здесь, не только в доме правда и ложь, прозрение и обман Булычова. Они там, за окнами дома, где поют Марсельезу, где обрушивается водопад политических лозунгов, где обманывают и топчут народ и где распрямляют

плечи, осознают силы и начинают последний решительный бой эти же люди из народа. Поэтому Ливанов — и режиссер, и актер, играющий Булычова, — так строит и ведет спектакль, что улица очень тесно связана с домом Булычова, что окно — это как бы часть правды, постигаемой Булычовым, что нечто, увиденное им там, за окном, и есть окончательная его правда и судьба, несущая одновременно и жизнь, и смерть — жизнь тем, кто идет за ним, кто моложе, кто не целиком истратил себя в купеческих авантюрах; смерть тем, кто, поняв, уже не имеет сил жить по новым, справедливым, только что понятым ими законам бытия.

Булычов — Ливанов — это не история; в конце концов кого бы так живо могла интересовать даже Горьким написанная судьба какого-то купца в далекие годы? Булычов — Ливанов — это и современность, потому что такой Булычов — пример всем, кто терзает, забывает свою жизненную политическую улицу, всем, кто меняет жизнь истинную на призрачную жизнь стяжательства и обмана. Булычов — Ливанов — пример всем тем в мире капитала, кто уже начал задумываться над путями правды, слышать голоса народной борьбы. «Не медлите, — как бы говорит им сегодня с мхатовской сцены Булычов, — не медлите, поскорей покидайте квартиры лжи, поскорей найдите свою улицу добра и истины, потому что жизнь не ждет, потому что она может обернуться смертью, когда уже не хватит сил на новые нравственные, социальные перемены».

Думается, именно поэтому столь живой, взволнованный отклик имеет спектакль «Егор Булычов», и не только у знатоков. Спектакль этот дорог молодежи, исполнение Ливанова тревожит молодые души — и это, быть может, самое радостное, ибо это значит, что современность и классика слились, что Горький не может устареть, что испытанные мхатовские актеры — по-прежнему властители дум своих зрителей.

Своеобразно играет Ливанов и болезнь Булычова, которая иногда становилась для актеров самоцелью. Булычов Ливанова — здоров, здоровье типично для него, присуще его натуре. А болезнь — нечто глухое, мало кому видимое, и болезнь эта не столько физиологическая, сколько нравственная. Совесть больна у Булычова, это ее страшные мучительные приступы ощущает он, когда ему худо, когда люди читают на лице его лишь знаки обычных физических недомоганий. Большая совесть Булычова — это еще одна современная тема, найденная актером для того, чтобы сказать людям: чистая совесть — огромное и бесценное достояние, которое нужно беречь как зеницу ока.

И вот еще с чем говорит роль Булычова в исполнении Ливанова и весь спектакль «Егор Булычов», им поставленный. Это предупреждение против творческого легкомыслия, творческой безответственности, против душевного равнодушия, против вялой сытости и благополучной усталости в искусстве. Рядом с таким спектаклем, рядом с таким исполнением на сцене МХАТа не могут, не должны появляться серые, проходные произведения, безразлично, безлико, бледно сыгранные роли, наугад, без души выбранные пьесы.

...Еще не отгремели овации на спектакле «Егор Булычов», а Ливанов уже полон новых замыслов, новых забот, новых творческих мечтаний. Сейчас он думает о короле Лире. Шекспировский «Король Лир», скажешь ли что-нибудь новое о короле Лире? И опять-таки после Михоэлса, после величайших исполнителей всего мира! Но нет сомнений: Ливанов скажет свое слово и в «Короле Лире». Будем ждать с волнением и радостью его нового, современного Лира.

Я беседовал с Борисом Николаевичем Ливановым накануне его отъезда вместе с Художественным театром в Америку. О чем же думал, о чем говорил актер? Нет, не только о своих ролях, не только о своих замыслах. Он говорил о своем понимании таланта, о том, что такое возрастная и что такое творческая старость, о том, каковы дальнейшие пути и свершения МХАТа, о том, что такое национальная форма в искусстве, о том, как понимает он существо современного трагического театра. Актер весь в мыслях, в заботах о судьбах родного советского искусства.

Борис Ливанов... С этим именем связаны лучшие страницы нашего театрального искусства. И если говорить о высочайшей награде, которую ежегодно присуждают нашим выдающимся деятелям искусства и литературы, то один из самых достойнейших — Борис Ливанов.

ОРИС ЛИВАНОВ... Стоит только назвать это имя, как сразу же нахлынут и воспоминания, и зрительские восторги, и надежды — новые надежды на новые прекрасные встречи.

Борис Ливанов — это целый мир образов, характеров, лиц, это целый мир чувств, мыслей, страстей, это целый мир русской сцены, замечательнейших актерских традиций, подлинную гражданскую понимания великого назначения актера.

Борис Ливанов — это жаждущий знаний казах Кимбаев из «Страха» Афиногенова, это трагикомический Солень из чеховских «Трех сестер», это и упорительно врущий Ноздрев из гоголевских «Мертвых душ», и мечтатель Астров из «Дяди Вани» Чехова, и мятущийся Дмитрий Карамазов Достоевского. Борис Ливанов — это ликующий революционный матрос Рыбаков из «Кремлевских курантов» Погодина. Это и постигающий народную правду инженер Забелин из тех же «Кремлевских курантов», Борис Ливанов — широкая, вольная стихия русской культуры, изумительное постижение самых разных граней, самых ярких человеческих натур — от гоголевского Ноздрева до современного председателя колхоза из пьесы Соболева «Хозяин».

И кого бы ни играл Ливанов, он прежде всего заявляет о своих героях как о людях сильных, личностях могучих, незаурядных, сотрясаемых большими и горячими страстями. Ливанову чужды неопределенные краски, вялые контуры, бледные мазки, хлипкие характеры ни на что не решающих людей. Его герои всегда крупны, определенны. Слово мощные утесы среди обычной человеческой природы, вьются они на мхатовской сцене, в многочисленных фильмах, где снимался Ливанов. И пусть даже пошляка и пустышку Ноздрева играет Ливанов, все равно его Ноздрев — цельная, яркая натура, все равно его темперамент, хоть и дуплопорожный, интереснее, занятнее, живее мутной добродетельности мертвых душ.

И сегодня к ролям Ливанова прибавился еще один образ русской классики, еще один могучий, сложный человек — Егор Булычов Горького. Казалось бы, что еще можно сказать о знаменитом горьковском купце после Щукина, Леонидова, после долгой и умной жизни этой великой горьковской пьесы на нашей сцене?! Но когда приходит актер, думающий не только о выявлении профессионального своего мастерства, но и о том, что он хочет сказать своим современникам о

НА СОИСКАНИЕ

ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ